

О ПРОИЗВОДСТВЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ РЕЛЬЕФНОЙ КЕРАМИКИ НА БОСПОРЕ

И. Г. ШУРГАЯ

За длительный период археологического изучения Боспора собран громадный керамический материал. Видное место в нем занимает рельефная керамика, являющаяся одним из распространенных видов художественной керамики III—I вв. до н. э. Однако до последнего времени нашей литературе уделялось сравнительно мало внимания вопросам, связанным с ее изучением; пока еще нет работ, в которых были бы выявлены все центры, импортировавшие рельефную керамику в Северное Причерноморье; нет еще и должной ясности в вопросе о производстве всех разновидностей рельефной керамики в отдельных северопричерноморских центрах.

Лишь в последние два десятилетия на фоне общей картины изучения керамического производства Боспора был сделан ряд ценных наблюдений и выводов относительно боспорской рельефной керамики. В производстве рельефных сосудов в Северном Причерноморье догадывались еще В. В. Латышев и Р. Цан, которые в «мегарских» чашах, несущих на себе имя керамиста Кирбея, склонны были усматривать северопричерноморскую продукцию¹. Ф. Курби в своем обобщающем труде о греческой рельефной керамике, ссылаясь на Р. Цана, выделил особую группу «мегарские» чаши из Северного Причерноморья². Производство рельефной керамики в Херсонесе доказано благодаря открытию в 1888 г. мастерской, в которой оказались глиняные формы для изготовления рельефов и медальонов, украшавших чаши³. Однако для выяснения полной картины производства рельефной керамики и выделения всех ее типов, а также их особенностей — в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре, сведений было все же недостаточно.

Вопрос о производстве рельефной керамики на Боспоре возник только с началом больших археологических работ по изучению боспорских городов, именно тогда среди одной из разновидностей рельефной

керамики — «мегарских» чаш — стали выделять местную, боспорскую группу. При рассмотрении «мегарских» чаш, найденных в Танаисе, Н. Книпович по характеру глины, аналогичной глине ряда известных образцов эллинистической керамики Боспора, убедительно показала ряд признаков боспорского происхождения⁴.

В связи с находками форм для изготовления «мегарских» чаш в Пантикапее⁵ и в Мирмекии⁶ — вопрос о их производстве на Боспоре можно считать окончательно решенным. Опубликованная недавно статья В. Д. Блаватского о «мегарских» чашах Пантикапея является новой специальной работой о «мегарских» чашах боспорского производства⁷. Остается, однако, неясным, производились ли какие-либо иные типы рельефной керамики, кроме «мегарских» чаш; какие были технические особенности и масштабы производства рельефной керамики на Боспоре.

В свое время Э. Р. Штерн отмечал три основных способа выделения рельефных сосудов, из коих один — техники en barbotine — относится уже к раннеримскому времени⁸. Наиболее распространенным следует считать способ выделки сосудов в матрицах — формах, где сосуд вымывался как требуемую форму, так и рельефный орнамент. Применению этого способа достигалось как получение определенной формы сосуда, так и рельефного орнамента, негативное изображение которого пропечатывалось в форме, и, таким образом, создавалась возможность многократного повторения. Эта техника применялась, главным образом, для производства «мегарских» чаш и ряда типов рельефных сосудов: кувшинов, лагиносов, канфаров, которые ввиду особенностей форм рельефа в матрицах могли создаваться только по частям. Рельефами оказывалась украшенная та часть сосуда, которая выделывалась в форме. Указанный способ выделки рельефных сосудов был наиболее распространенным, поскольку обеспечивал массовость выпуска продукции.

Другой, также весьма распространенный, прием выделки рельефных сосудов — нанесение на их боковую поверхность перед обжигом изготовленных отдельно в форме рельефов. Эта техника давала возможность создавать сосуды, украшенные изображениями в высоком рельефе. Орнамент такого рода — отдельные фигуры или композиции — помещался изолированными группами на лицевой поверхности сосуда.

Среди образцов рельефных сосудов, происходящих из раскопок боспорских городов, выделяется весьма небольшая в количественном отношении серия фрагментов, в которых по характеру глины мы склонны видеть местные изделия. Глина у них хорошо отмучена, отличается однородно-розовыми тонами, иногда с серыми прожилками в изломе. Упомянутая группа фрагментов — это обломки небольших сосудов, близких

¹ В. В. Латышев, К вопросу об античной посуде с штемпелем КИРВНІ, ИАК, 1902, стр. 141. R. Zahn, Hellenistische Reliefgefäße aus Suedrussland, JDAI, 1897, стр. 49 сл.

² F. Courby, Les vases grecs a reliefs, Paris, 1922, стр. 408.

³ В. К. Мальмберг, Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 годах, МАР, VII, 1892, стр. 1 слл. Некоторые дополнительные данные о производстве эллинистической рельефной керамики в Херсонесе были опубликованы К. К. Косцюшко-Валожиничем в связи с открытием в 1900 г. чашек квартала гончаров, находившегося за чертой города, в районе так называемой базилики Зенона, см.: К. К. Косцюшко-Валожинич, Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г., ИАК, вып. 2, 1902, стр. 19.

⁴ Т. Н. Книпович, Танаис, М.-Л., 1949, стр. 68.

⁵ В. Д. Блаватский, История античной расписной керамики, М., 1953, стр. 280.

⁶ В. Ф. Гайдукевич, Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий, Археология и история Боспора, сборник, Симферополь, 1952, стр. 32, рис. 7; он же, Раскопки Мирмекии и Тиритакы в 1946—1952 гг., ИАК, № 85, 1958, стр. 209, рис. 66. В. Ф. Гайдукевич и К. Михаловский, Мирмекии в свете советско-польских исследований 1956—1958 гг., В сб. статей «Исследования по археологии СССР», Л., 1961, стр. 131, рис. 3.

⁷ В. Д. Блаватский, О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее, ИИМК, 75, 1959, стр. 174 слл.

⁸ Э. Р. Штерн, Ваза с рельефным украшением из Ольвии, ИАК, 3, 1902, стр. 94—95.

по форме хорошо известным канфарам и кубкам на кольцевой подставке со слегка вздутым в нижней части и почти цилиндрическим телом, снабженным двумя небольшими ручками⁹. Подобные кубки, как правило, украшены весьма выпуклым рельефным орнаментом и признаются изделиями малоазийских центров, в первую очередь Пергама, середины II — середины I вв. до н. э. Они покрыты плотным слоем красновато-коричневого либо красного лака с интенсивным блеском. Обломки кубков, произведенных в боспорских мастерских, обладают особенностью; не отмечаемой на импортных изделиях этого рода. Рельефный узор их боковых поверхностей отличается столь незначительной выпуклостью и отсутствием четкости в проработке отдельных деталей, что создается впечатление расплывчатости, «смазанности» изображений. При исследовании обломков причина этого явления становится понятной: в изломе можно наблюдать, что сосуд и его рельефные украшения составляют единое целое, так как изготовлены в один прием, в форме. Между тем, аналогичные импортные кубки выделялись отдельно от рельефных украшений-налепов. Последние изготовлялись в форме и затем их прилепляли к сосуду перед обжигом¹⁰. Примечателен факт, что сюжеты рельефных украшений рассматриваемых боспорских кубков, их трактовка настолько близки рельефам пергамских кубков, что возникает впечатление полной тождественности, объяснение которой можно усмотреть только в копировании сосудов.

Правда, в отличие от своих пергамских прототипов — на боспорских кубках отсутствует лаковое покрытие. Глина светло-розового цвета, мелкозернистая, с темными прожилками в изломе. Три обломка рельефных кубков украшены эротическими сценами, на одном обломке сохранилось изображение двух целующихся голов (М 59—220; рис. 1, 1), на двух других — отдельные части человеческих фигур (М 60—58; М 48—667).

Как отмечалось, изображения подобного рода характерны для пергамских кубков, что особенно хорошо прослеживается при наглядном сопоставлении боспорского и пергамского образцов. Привлекает внимание различие в выделке сосудов. Выпуклый рельеф пергамского фрагмента как бы подчеркивает расплывчатые очертания рельефа на боспорском фрагменте (рис. 1, 1 и б). Нетрудно заметить, что при полной аналогии сюжета и его интерпретации налицо различная техника исполнения боспорского и пергамского кубков.

Объяснение технике выделки боспорского кубка может быть только одно — копирование импортного сосуда путем обкладки глиняным тестом его лицевой поверхности и получения, таким образом, слепка с нее, который после обжига мог использоваться в качестве формы для выделки рельефных сосудов-копий. Негативное изображение рельефных украшений в форме-копии неизбежно давало менее четкий позитив по сравнению с образцами, с которых снималась копия. При снятии формы-слепка с копируемого сосуда целостность изображения нередко нарушалась, что усугубляло нечеткость рельефа. Это хорошо прослеживается на сформованных в подобных матрицах сосудах¹¹.

⁹ Типы этих кубков см.: Ф. Соулбу, ук. соч., стр. 453, рис. 97, VII; табл. XVIa, 10. Такие формы для изготовления рельефных украшений-налепов были найдены в Пергаме: А. Сопзе, *Pergamon I*, стр. 276.

¹¹ Форма-слепок отделялась от копируемого сосуда, несомненно, по частям, так как в противном случае рельефы изображений на оригинале не вышли бы из оттиснутых ими углублений.

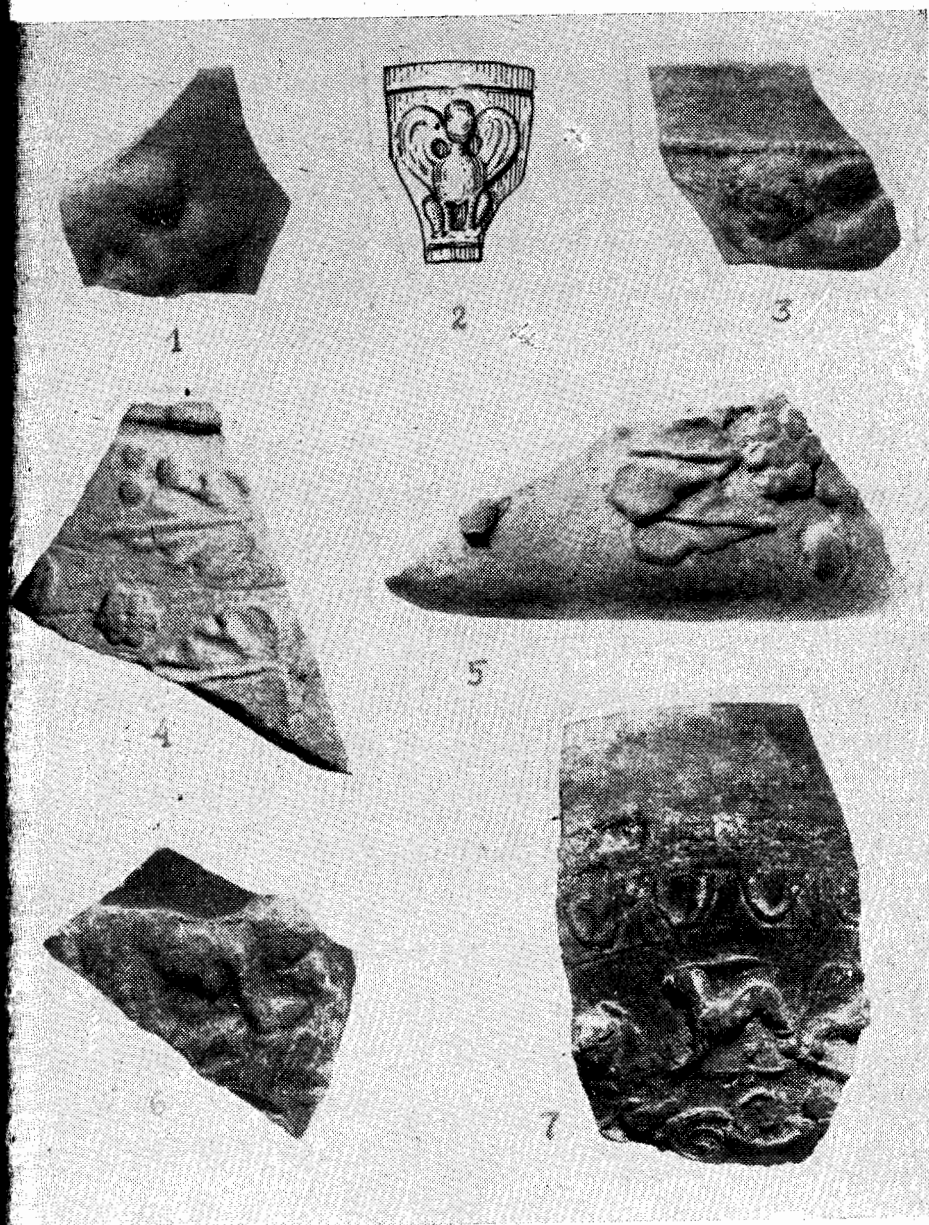

Рис. 1. Обломки рельефных кубков боспорского (1-5) и пергамского (6) производства и обломок «мегарской» чаши, изготовленный в случайно оказавшейся на Боспоре форме неизвестного центра (7).

Часто встречаемый в украшении кубков растительный декор на фрагменте боспорского кубка, скопированного, видимо, с пергамского экземпляра описанным выше способом, передан весьма нечетко и в невысоком рельефе (М 57—1586; рис. 1, 5). При аккуратном копировании рельефного кубка и умелой формовке в нем сосуда-копии с последующей переобжигом поправкой резцом, могли получаться сравнительно неплохие копии с четким рельефом. Примером такой тщательной выделки рельефного сосуда-копии служит фрагмент кубка из боспорской глины с рельефным изображением эрота. Копия была сделана с кубка высокого качества, поскольку даже по ней можно убедиться в пластичности рельефа изображающего летящего эрота. Его правая рука занесена над головой, в ней крепко стиснут какой-то предмет, левая рука отведена назад (М 59—303; рис. 1, 3). Пальцы рук, оперение крыльев, волосы, черты лица дополнительно прочерчены резцом, чтобы прояснить слегка «замыленные» при копировании оригинала детали.

В редких случаях обкладке подвергались даже сосуды с невысоким рельефом типа рельефных изображений на «мегарских» чашах (М 57—247; рис. 1, 4). Примером служит фрагмент сосуда из боспорской глины, полученного в результате копирования какого-то небольшого цилиндрического сосуда, скорее всего, пергамского происхождения, на что указывает характер растительных мотивов декора¹². Однако для копирования описанным выше способом сосуда подобного рода, как и «мегарские» чаши, обладающие невысоким рельефом, были неудобны, поскольку копии как это можно видеть на приведенном выше фрагменте, получали весьма невыпуклый рельеф.

Рассмотренные фрагменты боспорских рельефных кубков дают некоторое представление об одном из технических приемов производства рельефных сосудов на Боспоре. Изготовленные рельефных сосудов копированием путем снятия слепков с привозных образцов — явление, отмечаемое не только на Боспоре, но также в ряде других мест. Венгерский исследователь Я. Силади, публикуя рельефную керамику римского времени из Аквинкума, говорит о копировании рельефных сосудов подобным образом в гончарных мастерских Паннонии¹³.

В опубликованном В. К. Мальмбергом комплексе изделий херсонесской гончарной мастерской имеется серия форм, представляющих собой слепки с различных предметов: металлических поделок, украшенных рельефами, терракот, рельефных медальонов каленских чаш¹⁴. Подобным же образом копировались даже мраморные скульптуры, слепки с которых служили формами для их многократного воспроизведения в глине. Примером этого служит опубликованная Т. Н. Книпович голова Диониса Индийского, происходящая из изданного В. К. Мальмбергом комплекса, и керамическая копия с нее. В очерке об искусстве Северного Причерноморья Т. Н. Книпович отмечает широкое применение копирования привозных греческих изделий, которое, по ее мнению, составляло, несомненно, определенную отрасль развивавшегося в городах Северного Причерноморья производства художественных изделий¹⁵. То же самое

предупреждает сказать и по поводу копирования привозной рельефной керамики на Боспоре, отмечая это не как исключительное явление в местном керамическом производстве, а как явление, имеющее свои традиции.

В отличие от «мегарских» чаш местного производства, находки которых составляют значительный процент в художественной керамике, происходящей из эллинистических слоев боспорских поселений, боспорские рельефные кубки весьма редки среди керамических находок из боспорских поселений. Все они происходят из слоев II—I вв. до н. э. В тех случаях, когда сохранность сосуда позволяет восстановить его форму, становится очевидным, что мы имеем дело с характерным для позднего эллинизма типом кубков, датируемых серединой II—I вв. до н. э. В указанное время сосуды этого типа были широко распространены в Малой Азии, особенно много их производилось в Пергаме, керамические изделия которого в изобилии встречаются на Боспоре, начиная со второй половины III в. до н. э. Пергамский импорт в эллинистический период оказывал влияние на характер продукции гончарных мастерских Боспора. Это влияние не ограничивалось только выпуском имитаций, изготовленных в формах, снятых с привозных образцов. В материалах из раскопок боспорских городов имеется несколько фрагментов сосудов, украшенных крупным и весьма выпуклым рельефом по венчику. Ввиду плохой сохранности трудно установить их форму. По одному из обломков можно предположить, что это был сосуд цилиндрической формы типа небольшой сифулы, украшенной по венчику рельефной гирляндой в виде листьев и плодов плюща (рис. 2, 1). Особо выпуклым выглядит рельеф на другом фрагменте, где почти скульптурно исполненные листья и плод плюща словно рисуют с венчика (М 56—52; рис. 2, 3). Третий фрагмент украшен у венчика листочком четырехлистника (П 53—68; рис. 2, 2). Все фрагменты из боспорской глины, близкой к глине боспорских черепиц. По виду фрагментов нетрудно установить технику исполнения рельефных украшений. Массивность, характер сочетания отдельных деталей рельефов — исключают возможность предположения, что указанные рельефы изготовлены в форме. Многочисленные отпечатки пальцев как на листьях, так и на плодах плюща приводят к единственно возможному объяснению техники их изготовления. Видимо, они были вылеплены от руки и наложены на лицевую поверхность сосуда перед обжигом. Что представляли собой эти сосуды и какое они имели назначение — судить трудно. Возможно, они не предназначались для практического применения и были чисто декоративными предметами. Весьма трудно представить характер использования в быту подобных сосудов, украшенных столь массивными и довольно непрочными скульптурными гирляндами, которые при употреблении сосуда могли отстать от его боковой поверхности. Эта несовершенная техника воспроизводит характерный для II в. до н. э. орнамент (побеги плюща) пергамских кубков, нередко встречаемых на Боспоре¹⁶.

Важно отметить, что оба из разобранных случаев выделки сосудов с рельефным орнаментом представлены небольшим числом фрагментов, немногим более десятка на громадное количество находок за многие годы раскопок боспорских городов. В материалах Государственного Эрмитажа, происходящих с территории Керченского и Таманского полуостровов, аналогий ни одной из описанных групп найти не удалось. В Керчен-

¹⁶ Три обломка подобных кубков из Мирмекия опубликованы, см.: В. Ф. Гайдукович, Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг., МИА, 85, стр. 199—200, рис. 53.

¹² А. Conze, ук. соч., стр. 274, рис. 11 и 12.

¹³ I. Szilagyi, Aquincum, Budapest, 1956, стр. 55—56.

¹⁴ В. К. Мальмберг, ук. соч., стр. 1 слл.

¹⁵ Т. Н. Книпович, Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», 1955, стр. 168—169.

ском музее имеется только один обломок рельефного кубка, изготовленного посредством слепка, снятого с импортного сосуда. На рельефе пред-

Рис. 2. Обломки боспорских сосудов со «скульптурным» орнаментом.

ставлено изображение сидящего сфинкса с развернутыми крыльями округлых очертаний (Керчь, инв. № 0527; рис. 1, 2). Рельеф не передает ни оперения крыльев, ни черт лица головы сфинкса, хотя, судя по его качеству, в оригинале все это, несомненно, имело соответствующую проработку.

Малочисленность обломков боспорских рельефных сосудов-копий, а также сосудов со «скульптурными» рельефами должна, по-видимому, объясняться незначительностью выпуска такого рода сосудов керамическими мастерскими Боспора. Очевидно, подобные изделия не могли кон-

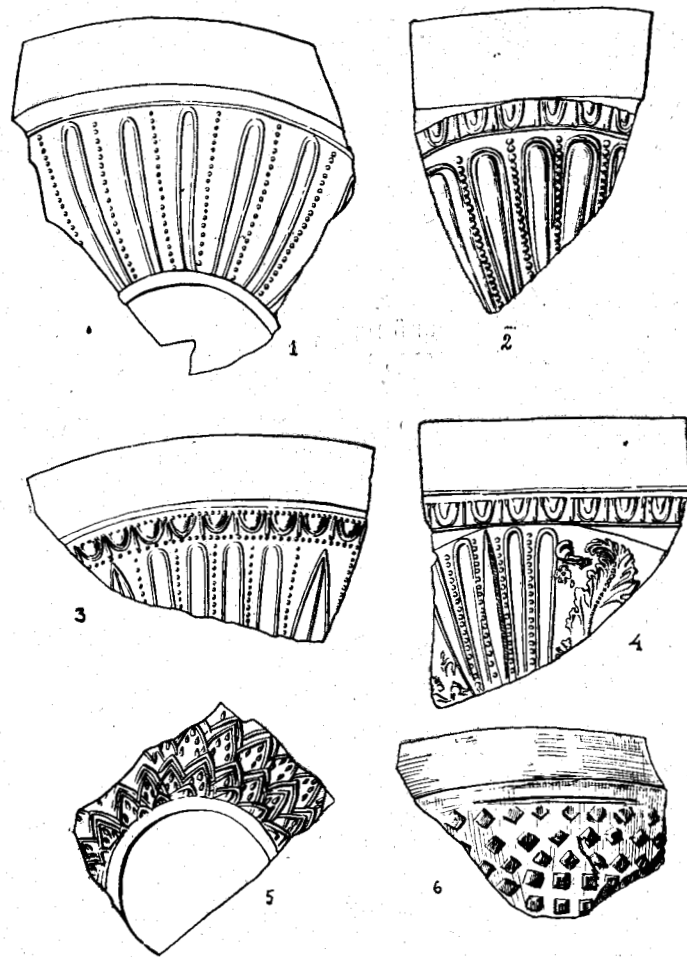

Рис. 3. Типы орнамента «мегарских» чаш боспорского производства.

курулировать ни с поступавшей на Боспор керамикой из Малой Азии, ни с керамикой местных типов, отличавшейся большими художественными достоинствами¹⁷.

Хотя вышеописанные образцы боспорских рельефных сосудов и не имели широкого распространения, они все же отражают сильное влияние пергамского импорта на изделия боспорских гончаров. Это подчерки-

¹⁷ Кубок, украшенный выполненными в рельефе эротическими сценами, также являющийся копией, по-видимому, пергамского образца, имеется в числе находок, происходящих из той части Мирмекия, где исследования производились группой польских археологов, принимавших участие в работах Боспорской экспедиции.

вают значительную роль малоазийских центров, в особенности Пергама в торговых связях Боспора в эллинистический период с конца III в. до н. э.¹⁸ Ведущая роль Пергама в торговле с Боспором в этот период прослеживается не только по преобладанию пергамских изделий среди рельефных сосудов конца III—середины II в. до н. э. и позднее, но также по другим разновидностям керамики¹⁹. Отмечаемый во II в. до н. э. расцвет Пергама способствовал процветанию такого вида пергамского художественного ремесла, как тореутика, которая, в свою очередь, стимулировала расширение производства рельефной керамики, воспроизводившей по оформлению изделия из золота, серебра и цветных металлов. Вот почему среди экспортируемых из Пергама изделий гончарных мастерских такую видную роль играет рельефная керамика.

О роли пергамского импорта в производстве художественных изделий в Северном Причерноморье писал еще В. К. Мальберг. Публикуя рельефные медальоны — копии металлических сосудов — из Херсонеса он приводит бесспорные доказательства пергамского происхождения оригиналов²⁰. Б. В. Фармаковский по поводу чаш с рельефными медальонами, находимыми на юге России, высказывается за их пергамское происхождение²¹. Это подтверждается характером глины и глазури указанных изделий.

Касаясь вопроса о направлении торговых связей Боспора эпохи эллинизма, следует подчеркнуть, что развивая отношения с Пергамом и рядом других малоазийских центров, Боспорское государство вело активную торговлю с островными центрами Греции, в особенности с о. Делосом, что прослеживается на археологическом материале, причем, как будет показано ниже, не только на импортном.

Необходимо отметить, что в производстве «мегарских» чаш боспорские гончары проявили гораздо больше самостоятельности, чем в изготовлении рельефных кубков, и выработали свои мотивы орнаментации, отличающие их уже по самой системе декорировки от «мегарских» чаш других центров, в частности Делоса. В археологической литературе отмечается, что по масштабу выпуска «мегарских» чаш в III, а особенно во II в. до н. э. Делос обогнал все прочие центры керамического производства, оказывая в некоторых из них значительное влияние на производство этого вида рельефной керамики²². Влияние Делоса сказалось и на «мегарских» чашах Боспора. Не говоря о форме полусферической, склоненной внутрь сосуда венчиком, особенно типичной для Делоса, мы можем проследить это и по характеру применения растительных мотивов листьев лотоса, аканфа, удлиненных лепестков и рядов точек. Однако налицо только факт влияния, а не копирования. Свойственные делосским «мегарским» чашам элементы декора на Боспоре подвергаются переработке.

Преобладание делосского импорта «мегарских» чаш на Боспоре внешне сходство местных изделий этого рода с «мегарскими» чашами Делоса может вызвать сомнения в местном происхождении тех форм

¹⁸ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.-Л., 1949, стр. 89.

¹⁹ Т. Н. Книпович, К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма, СА, XI, стр. 275.

²⁰ В. К. Мальберг, ук. соч., стр. 10.

²¹ Б. В. Фармаковский, ук. соч., стр. 781.

²² М. Хоблинг, например, указывает на значительное влияние Делоса в производстве «мегарских» чаш Приены. М. В. Hobling, Greek relief-ware from Sparta, The Annual of the British School at Athens XXVI, S. 1923—1924, 1924—1925, стр. 277 сл.

которые применялись на Боспоре. Следствием этого являются попытки оставить в большую зависимость от Делоса, откуда предполагается экспорт форм на Боспор, производство местных «мегарских» чаш.

Факты проникновения форм из одного центра керамического производства в другой с последующим использованием их в производстве зафиксированы в ряде пунктов Восточного Средиземноморья. Г. Томпсон в материалах афинской агоры отмечает случаи подобного рода²³, ряд образцов «мегарских» чаш, имеющих глину одного центра, а характер орнамента и форму другого центра, перечисляет С. Бентон, публикуя материалы из раскопок на Итаке²⁴. Как можно убедиться, формы ряда центров, керамическая продукция которых была популярна на рынках эллинистического мира, оказавшись в другом центре, использовались там в местном производстве. Поэтому и предположение о небоспорском происхождении форм для производства местных «мегарских» чаш закономерно.

Допуская факт производства «мегарских» чаш на Боспоре в экспортируемых с Делоса формах, следует учесть, что в этом случае должно наблюдаться полное совпадение орнаментальных мотивов делосских и боспорских изделий. При сопоставлении же «мегарских» чаш Делоса и Боспора отчетливо проступает разница в оформлении их рельефными украшениями.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу «мегарских» чаш обоих центров, необходимо установить все характерные типы орнаментации боспорских «мегарских» чаш. На основе обилия находок местных «мегарских» чаш, происходящих из раскопок некоторых боспорских городов, представляется возможным выделить В. Д. Блаватским²⁵ две основных разновидности декора боспорских «мегарских» чаш дополнить рядом новых типов.

1 тип. Чаши, украшенные чередованием удлиненных лепестков и рядов точек. Наблюдается два варианта лепестков: узкие, длинные и прямые (рис. 3,1) и более короткие, расширяющиеся кверху, с валиком в средней части лепестка (рис. 3,2).

2 тип. Чаши, украшенные удлиненными лепестками, по три и по четыре чередующимися с ланцетовидными листьями лотоса и рядами точек (рис. 3,3); иногда ланцетовидным листьям придается форма удлиненных ромбов (рис. 3,4).

3 тип. Чаши, украшенные удлиненными лепестками (первый вариант), чередующимися попарно и по три с ромбовидными листьями, рядами точек и пышными, склоненными вправо и влево листьями аканфа. В состав декора входят мелкие четырехлепестковые розетки и изображения птиц (рис. 3, 4).

4 тип. Чаши, украшенные треугольными листочками, расположенными наподобие чешуи (рис. 3, 5) и рядами.

5 тип. Чаши, украшенные шишечками (рис. 3, 6).

²³ A. Thompson, Two centuries of hellenistic pottery, Hesperia, III, 1934, стр. 407, рис. 95: чаша, изготовленная в случайно оказавшейся в Афинах форме, очевидно, македонского происхождения (E 78).

²⁴ S. Benton, Excavations in Ithaca, III, The Annual of the British School at Athens, XXXIX, S. 1938—1939, London, 1942, стр. 34 сл. № 34 — делосская глина, орнаментация тулова аттическая; № 35 — делосская глина, орнаментация не делосская.

²⁵ В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 175.

Некоторые из «мегарских» чаш перечисленных типов имеют клеймо с именем ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ на донышке. Эти клейма известны в двух вариантах: вокруг восьмилепестковой розетки и на гладком днище (рис. 3, 1 и 2). На происходящем из Порфмия фрагменте указанное клеймо оттиснуто весьма мелкими и нечеткими буквами, расположенными между лепестками розетки. (П 53—722; рис. 4, 3 и 3а). Существование нескольких вариантов клейма мастера Деметрия²⁶ указывает на длительное существование его мастерской, продукция которой, по-видимому, сначала клеймилась штампом с его именем на гладком донышке, затем вокруг розетки. Изображение розетки в более поздний период становится менее четким, равным образом, как и букв, составляющих имя мастера, которые помещаются между лепестками.

Примечателен обломок боспорской «мегарской» чаши; на окружности дна которого сохранились две буквы ΔΔ (рис. 4, 4 и 4а). Это, очевидно, часть имени гончара, неизвестного нам ранее, которое ввиду сильной фрагментарности клейма не поддается восстановлению.

Следовательно, возможно зафиксировать наличие еще одного штампа на боспорских «мегарских» чашах, происходящих из мастерской керамиста, носившего имя, в состав которого входят указанные две буквы.

Помимо рассмотренных выше особенностей, боспорские «мегарские» чаши характеризуются отсутствием покрытия «лаком». Их глина бывает либо темно-серой, пористой, либо светло-розовой, реже — красной. «Мегарские» чаши из глины красного цвета весьма редки и, как правило, покрыты тонким, почти незаметным, слоем прозрачного «лака».

Возникновение производства «мегарских» чаш на Боспоре следует отнести ко времени не ранее II в. до н. э. Характер письма в клейме с именем Деметрия вполне согласуется с указанной датировкой. На поздний характер боспорских «мегарских» чаш указывает также и система их орнаментации, находящая близкие аналоги в декорировке «мегарских» чаш других центров, в особенности Делоса II в. до н. э., влияние которого на орнаментальные мотивы «мегарских» чаш Боспора несомненно. Характер этого влияния не лишил «мегарские» чаши Боспора самобытности: гораздо большей по сравнению с «мегарскими» чашами других центров (Приена, Самос), рельефные украшения которых находятся в зависимости от Боспора с некоторыми типами «мегарских» чаш Делоса II в. до н. э. Заметны значительные отличия в исполнении одних и тех же мотивов.

Удлиненные лепестки на делосской чаше расположены симметрично относительно друг друга и с небольшими интервалами, перемежаясь округлыми точками крупных размеров²⁷, в то время как на боспорских

чашах удлиненные лепестки либо узкие, длинные и прямые, с большими интервалами и рядами мелких точек (1 тип., см. рис. 3, 1), либо расширяющиеся кверху с валиком в средней части (1 тип., см. рис. 3, 2).

Весьма характерной чертой местных «мегарских» чаш является такое сочетание на одном сосуде орнаментальных мотивов, какое не отме-

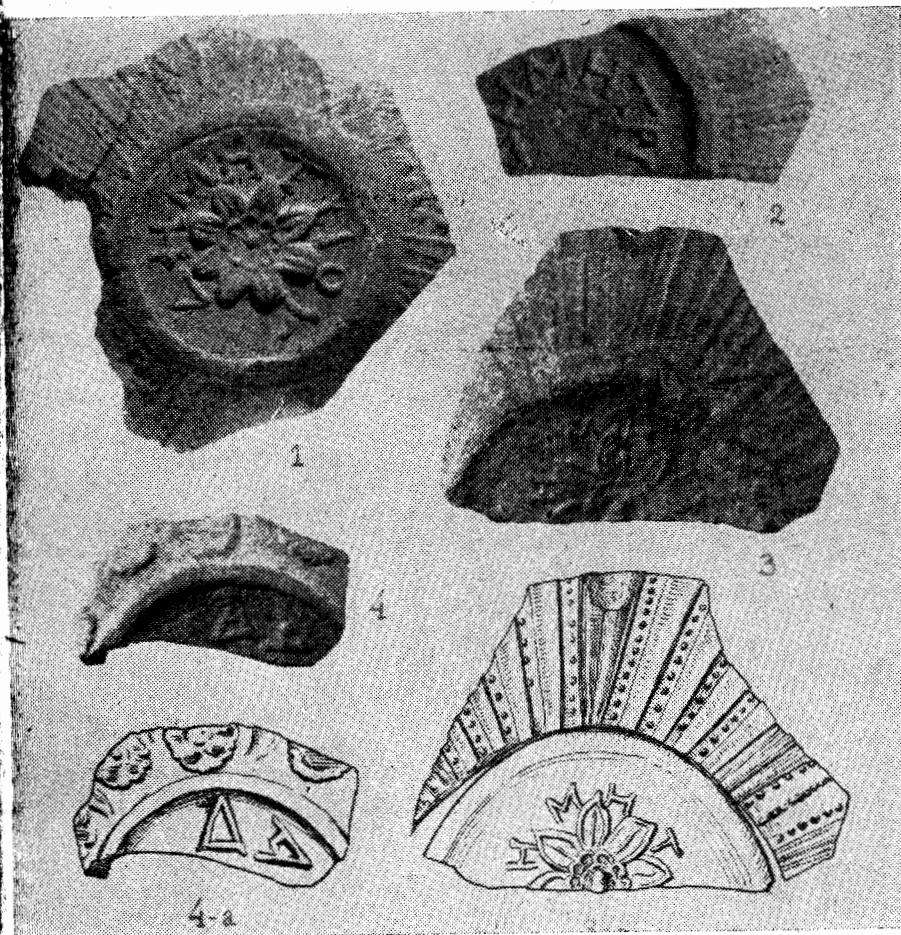

Рис. 4. Обломки «мегарских» чаш с именем мастера Деметрия (1-2; 3 — деградированный вариант) и фрагмент надписи на обломке «мегарской» чаши боспорского производства (4).

²⁶ Ф. Курби отмечает на Делосе единственный экземпляр «мегарской» чаши с подобным клеймом. (F. Courby, укр. соч., стр. 393). В. Ф. Гайдукевич пишет по этому поводу, что «мегарская» чаша с клеймом Деметрия на Делос могла быть завезена с Боспора (В. Ф. Гайдукевич, Мирмекий, II, Варшава, 1960, стр. 78—79). Отсутствие публикации «мегарской» чаши с Делоса затрудняет окончательное решение вопроса принадлежности этой «мегарской» чаши с указанным клеймом какому-либо определенному центру, однако в свете твердо установленного факта существования мастерской керамиста Деметрия на Боспоре скорее следует допустить, что с Боспора на Делос был завезен упомянутый сосуд, чем наоборот. Почему при наличии отношений Боспора с Делосом в эпоху эллинизма боспорское изделие не могло оказаться на Делосе? Допустим и другое предположение: на Делосе был гончар, носивший распространенное в эллинистическом мире имя Деметрий, которым и клеймил продукцию своей мастерской.

²⁷ Ф. Courby, укр. соч., стр. 387, рис. 80, 3 и 4.

чается как на «мегарских» чашах Делоса, так и прочих центров Восточного Средиземноморья. Это орнамент из удлиненных лепестков, по два, по три или по четыре чередующихся с листьями аканфа (3 тип., рис. 3, 4); иногда как на делосских «мегарских» чашах листья аканфа сочетаются с листьями лотоса различных типов²⁸. Свойственная делосским «мегар-

²⁸ Ф. Courby, укр. соч., табл. XII, 2, 5, 9, 10, 12, 15; табл. XIII, 18, 19, 28, 29; табл. XV b, d, f, h, i.

ским» чашам система орнаментации по зонам на изделиях Боспора прослеживается.

Сопоставление основных типов декорировки «мегарских» чаш Боспора и Делоса убеждает в различии орнаментальных мотивов чаш указанных центров.

Итак, налицо как местная глина, так и отличающие «мегарские» чаши Боспора от чаш других центров мотивы орнаментации. Следовательно, и формы, оттиски с которых украшают сосуды, изготавливались, очевидно, в местных гончарных мастерских. Это подтверждается и внешними признаками всех известных нам обломков форм, найденных на Керченском полуострове.

Из известных по публикации «мегарских» чаш, происходящих из раскопок на Делосе, равным образом как и среди делосских «мегарских» чаш, оказавшихся на Боспоре, нет сосудов, орнамент которых совпал бы с характерной для боспорских «мегарских» чаш системой орнаментации. Видимо, на Делосе не было форм, аналогичных тем, в которых изготовлены «мегарские» чаши Боспора. Поэтому, как нам кажется, предположение об экспорте форм на Боспор с Делоса должно безусловно отпасть.

Таким образом, следует считать доказанной беспорность абсолютного местного характера производства «мегарских» чаш на Боспоре.

По-видимому, лишь в исключительно редких случаях проникали импортные формы для «мегарских» чаш или наборы штампов, необходимых для их изготовления. Примером может служить фрагмент «мегарской» чаши, найденной в Мирмекии. Форма и орнамент ее — растительные завитки, изображения животных и птиц — необычны для Боспора, тогда как глина боспорская (М 48—477; рис. 1, 7). Центр, где могла быть изготовлена такая форма, определить пока не удается.

Таким образом, устанавливается наличие группы боспорских рельефных сосудов, связанных с копированием импортных аналогичных главным образом пергамских изделий. Влияние пергамских керамических мастерских, сказавшееся не только в копировании путем снятия слепков-форм с привозных сосудов, но и в подражании, факты которого прослеживаются в украшении некоторых типов сосудов «скульптурным» узором, изготовленным от руки, свидетельствует о прочных связях Боспора с Пергамом в эллинистическую эпоху. Более самобытно по характеру производство боспорских «мегарских» чаш, хотя влияние широкого экспорта с о. Делоса и тут сыграло определенную роль в развитии орнаментальных мотивов. В настоящее время по наличию на Боспоре не только одной точно зафиксированной мастерской керамика Деметрия, но также и другой мастерской, от имени владельца которой нам известны только две буквы, в массе керамической продукции выпускавшей также и «мегарские» чаши, мы можем судить о весьма широких масштабах их производства.

Возвращаясь к внешним связям Боспорского царства эллинистической эпохи, следует подчеркнуть, что прослеживаемые на керамическом материале связи с Пергамом и Делосом по интенсивности во II в. почти равны. Это положение имеет силу до начала I в. до н. э., когда делосский импорт на Боспоре резко сокращается, в то время как пергамский, наоборот, со второй половины I в. до н. э. значительно усиливается.

ПАРФИЯ И РИМ ВО ВРЕМЯ ПРИНЦИПАТА АВГУСТА

И. Д. ГОЛОВКО

Во второй половине I в. до н. э. Римское государство переживает острый политический кризис, который явился объективным отражением кризиса рабовладельческого строя. Попытки ослабить его последствия при помощи внешних завоеваний, за счет ограбления новых земель и народов, в том числе и за счет Парфии, не только окончились провалом, но в силу этого усилили внутренние трудности государства. Римская республика неуклонно шла по линии полной деградации. Основой римской демократии являлось мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство части рабовладельческого класса — плебеев¹.

Но вместе с расширением пределов Римского государства рабовладельческий класс переживает интенсивный процесс имущественной дифференциации и, в конце концов, республика лишилась своей социальной основы. Система Римской республиканской государственности изжила себя. Римская республика в I в. до н. э. не справлялась с функциями классового государства; она оказалась бессильной перед разрешением как внутренних, так и внешних задач. Это явилось главной причиной замены республиканского — монархическим строем. Сущность этого процесса и причины победы монархических принципов государственного устройства в Риме определили основоположники научного коммунизма. Ф. Энгельс писал: «Материальной опорой правительства было войско, которое гораздо более походило уже на армию ландскнехтов, чем на старое римское крестьянское войско, а моральной опорой — всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью»².

Во время гражданской войны в Риме (в 32 г. до н. э.) Восток оставался спокойным. Парфяне не воспользовались внутренними затруднениями в Риме и не нарушали границ римской провинции Сирии. Фраат IV, вероятно, не отказался от традиционной политики своих предшественников по отношению к западным границам своего государства, но осуществление этих замыслов теперь натолкнулось на серьезные препятствия. Внутреннее положение Парфии резко пошатнулось. Фраат после победы над Антонием в 36 г. поссорился с Артаваздом Атропатенским,

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20, стр. 164, 181; ср. К. Маркс, Капитал. Т. I; К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23, стр. 346, прим. 24.

² Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19, стр. 310—311.

